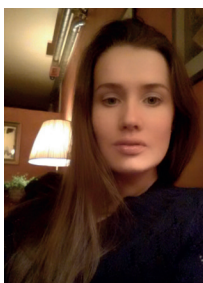

Трещенок Ю.М.

Ритуальные функции одежды в традиционной культуре

Ю.М. Трещенок

Аннотация. Данная статья посвящена символической функции одежды в традиционной культуре. Выполняя свою утилитарную функцию защиты тела от внешней среды, одежда логически приобретает символическую функцию визуализированной преграды между сферами ритуального пространства. Автор рассматривает ритуальную функцию одежды как: функцию объективированной границы; функцию маркера сфер мифоритуального пространства; функцию репрезентации вектора ритуального действия, направленного вовнутрь или вовне; медиативную функцию, реализующую отношение связи между двумя разноприродными зонами мифологического пространства; дистанцирующую функцию, нейтрализующую пагубное влияние потустороннего мира.

Ключевые слова: традиционная культура, ритуал, предметные символы, традиционный костюм, семиотика вещей, символика границы

Вещь как знаковое средство культуры была предметом научного интереса многих исследователей, занимавшихся изучением культур, в которых ритуал является основным средством регуляции общественных отношений, преодоления кризисных ситуаций, трансляции опыта.

Исследование функционирования одежды в пространстве ритуала предпринималось такими отечественными исследователями как Д.К. Зеленин, Е.Г. Кагаров, Г.С. Маслова, Н.И. Гаген-Торн и другими. Знаковая сторона функционирования одежды в традиционной культуре являлась предметом изучения основателя отечественной этносемиотики П.Г. Богатырева¹. Основываясь на этнографических материалах, собранных на территории Моравской Словакии, Богатырев выделил практическую и знаковую функции одежды. Помимо утилитарных целей, костюм выполняет ряд функций, таких как сословная функция; профессиональная функция; функция дифференциации в соответствии с полом и возрастом; функция региональной принадлежности; празднично-торжественная функция; магико-религиозная функция; ритуальная функция. Для выражения отношений между различными функциями одежды им было введено понятие структуры функций. В зависимости от конкретной ситуации доминирующая функция может изменяться, либо определённая функция может константно доминировать, ослабляя значимость других функций, либо с течением времени некоторые функции могут утрачиваться, уступая место другим функциям, или ослабление одной функции может привести к ослаблению остальных функций.

Дальнейшая разработка средств семиотического анализа и теоретико-методологической базы для исследования знаковой стороны функционирования вещей в традиционной культуре принадлежит таким исследователям как В.В. Иванов, В.Н. Топоров, А.Л. Топорков, Т.В. Цивьян, О.А. Седакова, А.К. Байбурун.

Применительно к вопросу о ритуальном функционировании вещей А.Л. Топорков в статье «Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры» говорит о семантической двунаправленности ритуального символа, обращённого

одновременно и к «своему и к «чужому» миру и выполняющего функции медиатора². Кроме того, с медиативной функцией предметных символов Топорков связывает свойство, которое он называет двунаправленностью функций³. Данное свойство проявляется в том, что воздействуя, оказываемое предметом, может быть оценено как положительное либо отрицательное в зависимости от того в какую сторону направлено его действие – вовнутрь или вовне, например, один и тот же предмет может быть использован в качестве оберега или во вредоносной магии.

А.К. Байбурин в своих исследованиях сформулировал понятие семиотического статуса вещей⁴, им было подвергнуто критике жёсткое деление культуры на материальную и духовную. Байбурин обозначил оппозицию «своё–чужое» как основополагающую в ритуале⁵, основная задача ритуала при этом заключается в снятии напряжённости между сферами «своего» и «чужого». Вещь в пространстве ритуала, во-первых, символизирует обе сферы, во-вторых, служит инструментом соединения сфер «своего» и «чужого», в-третьих, блокирует связь между сферами⁶. Кроме того, Байбуриным были детально изучены функции пояса в народной культуре.

Ритуальное действие предполагает некоторую форму обмена между потусторонним и посюсторонним, будь то обмен благами – человеческими, продовольственными ресурсами – или обмен неким сообщением, направленным как собеседнику, находящемуся за пределами границы, разделяющей две сферы ритуально-мифологического пространства, так и получение сообщения извне. Необходимость контакта с потусторонним в рамках ритуального сценария обосновывает потребность в действиях, направленных на осуществление функции связи в отношении потустороннего мира. Одновременно с этим, опасность, которую представляет иноприродная сфера, побуждает к принятию мер по нейтрализации вероятного деструктивного, вредоносного, злоторного влияния иного мира, таким образом, эти действия оказывают дистанцирующее воздействие на область потустороннего. Одежда, как и иные символические средства, репрезентирует отношения связи/дистанцирования между мифоритуальными зонами, реализующиеся на трёх уровнях: на уровне каждого отдельного человека, на уровне рода, на уровне коллектива в целом. Область потустороннего, иноприродного мира обретает свою локализацию в зависимости от назначения каждого конкретного ритуала, операциональные границы этой области определены ритуальным сценарием и не зависят от того, где данная конкретная культура располагает потусторонний мир в соответствии со своей картиной мира. Подвижность границы между «своим» и «чужим» описывает А.К. Байбурин: «Чужое начинается там, где кончается своё, и эта граница путешествует вместе с человеком»⁷.

Одежда в целом представляет собой объективированную границу между внутренним и внешним. Одежда выступает маркером посюстороннего и потустороннего пространства на уровне отдельного человека, определяя вектор отношений между сферами мифологического пространства. Одежда может служить способом освоения части внешнего пространства, экстраполяции части свойств хозяина вовне, либо, напротив, служить орудием экспансии потустороннего, как спровоцированной, легитимированной ритуалом, так и нежеланной и враждебной. Е.Ф. Фурсова приводит поверье, распространённое в среде русского крестьянства, согласно которому, можно навредить человеку, выдёргивая нити из его рубахи⁸. Эти же представления породили обычай, приведённый Л.С. Лаврентьевой, не подавать нищим ничего из одежды⁹. Г.С. Маслова также приводит данное поверье: «по рубашке можно «испортить» её владелицу или владельца»¹⁰. Помимо использования одежды во вредоносной магии, свойства одежды как продолжения тела проявляются в функции одежды как способа захвата, «освоения» части внешнего пространства. При покупке скотины жительницы Моравской Словакии, одетые в одну рубашку, обходили скотину вокруг, затем вешали рубашку на рога¹¹. Сходное поверье существовало у русских: в случае если корова бодалась, следовало набросить рубаху корове на рога¹². Через пояс хозяина или хозяйки, лежащий в воротах, проводили скотину при покупке. В восточнославянской традиции, в доме мужа молодая бросала свой пояс на печь¹³. На Украине снятие ритуального покрывала в доме мужа имеет смысл приобщения к очагу мужа, покрывало бросалось на печь¹⁴. Подобный механизм

действовал в обратном случае, при необходимости отдать часть свойств вонне – другому человеку. Верования бурят наделяли личные вещи свекрови способностью сообщать плодovitость невестке. Во время обряда, проводимого над бездетными супругами, жена надевала шубу с безрукавкой, принадлежащей свекрови¹⁵. У чувашей женщины испрашивали лапти у своих легко родивших подруг с тем, чтобы надеть их во время родов¹⁶, кроме того, роженица надевала платье женщины, которая родила легко¹⁷. У туркмен, если у женщины часто умирали дети, она заимствовала рубаху у многодетной матери, в которую заворачивала новорождённого ребёнка¹⁸. Таким же способом можно было избавиться от болезни, передав её другому. Казахские женщины, желая излечиться от болезни, носили определённое украшение, пока кто-нибудь не попросит его подарить, таким образом, получив болезнь вместе с украшением¹⁹. У украинок считалось, что, если женщина страдала «падучей», то она должна была носить наместо красного цвета, затем уронить его, болезнь перейдёт на поднявшего наместо²⁰.

Края одежды также представляли собой приграничную зону, обращённую к иному миру. Край одежды имеет то же значение, что и порог дома, перекрёсток дороги, ведущей в деревню, – это места одной стороной обращённые к человеку, другой стороной они обращены к потустороннему миру. По этой причине по краям одежды располагалась вышивка, с этим же связан обычай – не подшивать края одежды покойника и свадебной рубахи невесты.

На уровне рода, ритуально формулируемыми оказываются отношения между двумя сферами мифоритуального пространства в рамках ритуалов жизненного цикла, когда происходит отторжение части пространства, которое А.К. Байбури́н обозначил как «своё» или присвоение части враждебного, иноприродного пространства. Множество примеров употребления одежды в значении границы в ритуале даёт свадебная обрядность. Род невесты и род жениха представляют собой две зоны ритуально-мифологического пространства, взаимно враждебные друг другу, каждая из которых в пространстве ритуала образует для другой область потустороннего, противостоящую пространству собственного рода. В обществах с патрилокальной формой брака свадебный обряд направлен на отделение невесты от рода своих родителей и включение в род жениха. Русская традиция мыть пол после отъезда невесты в дом жениха символизирует отделение невесты от рода её родителей. То же действие совершалось после погребения покойника. Обмен между двумя зонами ритуально-мифологического пространства требует принятия соответствующих мер, обеспечивающих защиту рода жениха от угрозы со стороны чужеродной сферы. В русском свадебном обряде, молодые не могут касаться друг друга. Являясь чужеродкой, невеста приносит с собой инородные, враждебные силы, способные навредить роду, в который она включается.

До рождения первого ребёнка женщина не является окончательно принятой чужим родом. Во многих культурах до рождения первенца молодая женщина не может показываться родственникам мужа без каких-либо деталей одежды, призванных защитить представителей рода мужа. Например, в Средней Азии после свадьбы женщина не могла показываться родственникам мужа с открытым лицом. Первые годы замужества, как правило, до рождения второго или третьего ребёнка, молодуха в присутствии старших мужчин из семьи мужа носила накидку, использовавшуюся во время свадебной церемонии, закрывающую лицо. Эта традиция имела место и у тех народов среднеазиатского региона, которые не практиковали закрывание лица женщинами в повседневной жизни – казахов и киргизов²¹. В данном случае исключается также возможное влияние ислама, так как мусульманская религиозная традиция разрешает женщине открывать лицо в присутствии свёкра (сура ан-Нур, аят 31). У марийцев женщине запрещалось показываться родственникам мужа без головного убора и без обуви²². Закрывали лицо от старших родственников мужа женщины у хантов и манси. Замужние женщины саха надевали «тангалай», имевший значение церемониальной одежды, без него женщина не могла появиться перед свёкром и старшим братом мужа²³. Тот же смысл имеет традиция закрывать невесту покрывалом, чтобы родственники жениха не увидели лица невесты. Традиция покрывания волос замужними женщинами, распространённый у восточных славян, болгар,

чуваш, татар, башкир, удмуртов, пермяков, коми, ижор, мордвы, марийцев и прочих народов, трактуется Н.И. Гаген-Торн как способ предохранить род мужа от магии чужого рода, заключающейся в женских волосах. «Снятие головного убора раскрепощает женщину, восстанавливая её магическую силу, освобождает её от рода мужа»²⁴. Согласно представлениям разных народов, волосы обладают магической силой, а непокрытые волосы замужней женщины способны навлечь несчастья, неурожай, падёж скота и прочее. Д.К. Зеленин полагал, что закрывание волос замужними женщинами есть рудимент закрывания лица²⁵. Перенесение невесты через порог в доме жениха имеет охранительное значение, так как порог – место обитания духов предков²⁶. В целом, функцию защиты рода мужа от влияния чужеродных сил имеют все традиции, предписывающие женщинам носить те или иные элементы одежды в присутствии представителей рода мужа.

Включение невесты в род жениха предполагает ритуальные действия, направленные на соединение двух разноприродных зон мифологического пространства. К подобным действиям относятся все манипуляции, направленные на то, чтобы молодые «дружно жили», часто это связывание молодых поясом или полотенцем. «На Сокальщине (Украина) был обычай крепко связывать молодых под мышками рантухом (головным покрывалом), так они сидели весь вечер. Иногда молодых связывали в постели, когда они ложились спать, чтобы дружно жили (Касимовский уезд Рязанской губернии), или на возу, когда везли постель к жениху (Могилевская губерния). Сохранялся обычай связывания рук жениха и невесты полотенцем даже при церковном венчании»²⁷. Обрядом соединения двух родов является обряд перемены причёски, когда волосы переплетаются в две косы. К примеру, в хакасской традиции ритуал переплетения волос в две косы назывался «свадьбой волос»²⁸.

К способам освоения чужеродного пространства можно отнести одаривание невестой представителей рода жениха. В карельской свадьбе полотенца являлись частой жертвой духам-покровителям рода жениха²⁹.

В ряде случаев, когда дарится одежда жениху, свёкру, свекрови, невеста предварительно надевает вещи, приготовленные в качестве подарков, например, в Кокшеньге имел место обычай, согласно которому, невеста после ритуальной бани, надевала рубаху и штаны свёкра и рубаху свекрови, приготовленные в качестве подарков, «чтобы её больше любили и жалели»³⁰.

Отделяя тело от внешней среды, одежда являет собой визуализированную границу. Обладая свойствами границы, одежда объективирует отношения связи/дистанцирования между посюсторонним и потусторонним. Помимо функции маркирования разноприродных сфер мифологического пространства, одежда демонстрирует характеристики медиатора. Медиативные функции одежды представляют собой оборотную сторону функции разграничения пространства. А.Л. Топорков в своей статье «Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры», говорит что, «глубинная семантика самых разных предметных символов определяется тем, что они выполняют медиативную функцию»³¹.

Наиболее отчётливо медиативные функции одежды можно продемонстрировать на примере полотна в различных его вариациях (полотенце, платок, покрывало) и пояса. Полотно, наделённое свойствами границы, объективирует отношение дистанцирования в тех случаях, когда в ритуале полотно используется для покрытия или скрывания чего-либо. Платок играет заметную роль в свадебной обрядности в значении границы или сокрытия чего-либо. Повсеместно распространённый обычай закрывать невесту покрывалом используется в обоюдонаправленном отношении, во-первых, защищает невесту от пагубного влияния извне, во-вторых, защищает окружающих от вредоносного влияния смерти, проводником которого является невеста. Соответствие ритуального сценария для невесты в русской свадебной обрядности с похоронным ритуалом подтверждает соотнесение невесты с покойником и утверждает пребывание невесты в разряде существ, принадлежащих сфере потустороннего. В качестве ритуального покрывала невесты в Архангельской губернии использовали куколь³² – ритуальную одежду покойника. В.И. Еремина указывает на русский обычай, утраченный в обряде, но сохранившийся в фольклоре, а именно, в текстах свадебных причитаний, присылать перед свадьбой девушке саван,

«умиральную рубашку», «рубашку на смерть» в качестве подарка³³. Однонаправленность, необратимость пути новорождённого, невесты и покойника, типологическое сходство свадебного и похоронного ритуалов подробно описывается А.К. Байбуриным³⁴ и Г.А. Левинтоном³⁵.

Полотно, обладая характеристиками границы, наделено способностью связывать разноприродные сферы в ритуальном пространстве. Полотном связывали молодых в восточнославянской свадебной обрядности. Распространён обычай, предписывающий молодым держаться через платок³⁶. Полотенце вывешивалось за окно во время обряда поминования умерших родственников, оно служило связью мира мёртвых и мира живых³⁷. Как уже упоминалось выше, в карельской свадьбе полотенца являлись частой жертвой духам – покровителям рода жениха. Типологически сходной семантикой обладают полотенце и пояс, что побудило их взаимозаменяемость и частичное слияние их функций в обрядах. И пояс, и платок/полотенце используются в гаданиях. Поясом или полотенцем связываются молодые. Пояс или полотенце растягивается в воротах при первом выгоне скота.

Поле функционирования пояса в ритуале родственно одежде в целом, пояс представляет собой барьер между телом и внешней средой. Пояс включает в себе семантику окружения, разграничивая внутреннее и внешнее, символический верх и низ. Ещё один обряд, эксплуатирующий символику магического круга, – это обряд изготовления обыденной рубахи в том его варианте, когда рубаху обносят вокруг селения с целью защиты от бедствий, угрожающих всему коллективу в случае экспансии потустороннего мира. Таким образом, можно заключить, что функция одежды как границы между противопоставленными сферами мифоритуального пространства является основой для функционирования последней в ритуале. Одежда обладает способностью связывать разноприродные сферы в гетерогенном пространстве ритуала, одна её сторона направлена вовнутрь, другая – вовне. С этим свойством одежды связана ещё одна её функция в ритуале – передавать некоторую информацию невидимому зрителю, находящемуся по ту сторону границы между зонами ритуального пространства.

Библиографический список

1. Байбурин, А.К. Похороны и свадьба / А.К. Байбурин, Г.А. Левинтон // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд). – М.: Наука, 1990. – С. 64–99.
2. Байбурин, А.К. Пояс (к семиотике вещей) / А.К. Байбурин // Сборник музея антропологии и этнографии. Из культурного наследия народов Восточной Европы. – СПб.: Наука, 1992.
3. Байбурин, А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей / А.К. Байбурин // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. – Л.: Наука, 1989.
4. Байбурин, А.К. Семиотический статус вещей и мифология / А.К. Байбурин // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН [Электронный ресурс]. – URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxxvii/mae_xxxvii_16.pdf (дата обращения: 12.10.2015).
5. Богатырев, П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии / П.Г. Богатырев // Народная культура славян / Сост. Е.С. Новик, Б.С. Долгин. – М.: ОГИ, 2007.
6. Васильева, Г.П. Магическая роль украшений и некоторых видов одежды в представлениях туркмен / Г.П. Васильева // Среднеазиатский этнографический сборник. – М.: Наука, 2006. – Вып. 5.
7. Гаген-Торн, Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы / Н.И. Гаген-Торн // Советская Этнография. – 1933. – № 5/6.
8. Еремина, В.И. Ритуал и фольклор / В.И. Еремина. – Л.: Наука, 1991.
9. Карпова, О.В. Украинские женские украшения в ритуальном контексте / О.В. Карпова // Живая старина. – 1999. – № 3.
10. Левинтон, Г.А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) / Г.А. Левинтон // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. – СПб.: Наука, 1991. – С. 210–234.
11. Маслова, Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. / Г.С. Маслова. – М.: Наука, 1984.

12. Николаева, Д.А. Мифологические представления о материнстве в традиционной культуре бурят / Д.А. Николаева // Религиоведение. – 2010. – № 2. – С. 3–14.
13. Топорков, А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры / А.Л. Топорков // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. – Л.: Наука, 1989.
14. Тохтабаева, Ш.Ж. Семантика казахских украшений / Ш.Ж. Тохтабаева // Советская этнография. – 1991. – № 1.
15. Фурсова, Е.Ф. «Целительные» свойства рубах русских крестьян / Е.Ф. Фурсова // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. – 1992. – № 1.

¹ Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Народная культура славян / Сост. Е.С. Новик, Б.С. Долгин. М., 2007. С. 215–279.

² Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. Л., 1989. С. 95.

³ Там же. С. 97.

⁴ Байбурин А.К. Семиотический статус вещей и мифология // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxxvii/mae_xxxvii_16.pdf (дата обращения: 12.10.2015).

⁵ Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 3–17.

⁶ Байбурин А.К. Семиотические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С. Мыльников. Л., 1989. С. 85–86.

⁷ Байбурин А.К. Ритуал: свое и чужое // Фольклор и этнография: Проблемы реконструкции фактов традиционной культуры. Л., 1990. С. 8–9.

⁸ Фурсова Е.Ф. «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1992. № 1. С. 49.

⁹ Лаврентьева Л.С. «По одежке встречают»: Символические функции одежды // Живая старина. 1996. № 3 (11). С. 4.

¹⁰ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 41.

¹¹ Богатырев П.Г. Функции национального костюма в Моравской Словакии // Народная культура славян / Сост. Е.С. Новик, Б.С. Долгин. М., 2007. С. 230.

¹² Фурсова Е.Ф. «Целительные» свойства рубах русских крестьян // Изв. СО АН СССР. Сер. История, филология и философия. 1992. № 1. С. 54.

¹³ Байбурин А.К. Пояс (к семиотике вещей) // Сборник музея антропологии и этнографии. Из культурного наследия народов Восточной Европы. СПб., 1992. С. 8.

¹⁴ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 55.

¹⁵ Николаева Д.А. Мифологические представления о материнстве в традиционной культуре бурят // Религиоведение. 2010. № 2. С. 6.

¹⁶ Салмин А.К. Традиционные обряды и верования чувашей. С. 108 // Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikat_or/03/03_05/978-5-02-025605-7/ (дата обращения: 12.10.2015).

¹⁷ Там же. С. 124.

¹⁸ Васильева Г.П. Магическая роль украшений и некоторых видов одежды в представлениях туркмен // Среднеазиатский этнографический сборник. М., 2006. Вып. 5. С. 22.

¹⁹ Тохтабаева Ш.Ж. Семантика казахских украшений // Советская этнография. 1991. № 1. С. 90.

²⁰ Карпова О.В. Украинские женские украшения в ритуальном контексте // Живая старина. 1999. № 3. С. 14.

²¹ Лобачева Н.П. К истории паранджи // Этнографическое обозрение. 1996. № 6. С. 89.

²² Молотова Т.Л. Марийский народный костюм. Йошкар-Ола, 1992. С. 78.

²³ Миллер Г.Ф. Описание сибирских народов / Пер. с нем. А.Х. Элерт. М., 2009. С. 131.

²⁴ Гаген-Торн Н.И. Магическое значение волос и головного убора в свадебных обрядах Восточной Европы // Советская этнография. 1933. № 5/6. С. 80.

²⁵ Зеленин Д.К. Женские головные уборы восточных славян // Библиотека Гумер. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/zelen/1.php#g3 (дата обращения: 12.10.2015).

²⁶ Штернберг Л.Я. Первобытная религия в свете этнографии / Под ред. Я.П. Алькор. Л., 1936. С. 336.

²⁷ Маслова Г. С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 79.

²⁸ Кидиекова И.К. Прически и украшения волос в комплексе обрядов перехода у хакасских женщин // Материалы шестых Сибирских чтений. СПб., 2005. С. 257.

²⁹ Маслова Г.С. Народный орнамент верхневолжских карел // Труды Института Этнографии. Новая серия. 1951. С. 33; Сурхасю Ю.Ю. Религиозно-магические элементы карельской свадьбы // Этнография Карелии / Науч. ред. Р.Ф. Никольская (Тароева), Е.И. Клементьев. Петрозаводск, 1976. С. 148.

³⁰ Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 42.

- ³¹ Топорков А.Л. Символика и ритуальные функции предметов материальной культуры // Этнографическое изучение знаковых средств культуры / Отв. ред. А.С.Мильников. Л., 1989. С. 95.
- ³² Маслова Г.С. Народная одежда в восточнославянских традиционных обычаях и обрядах XIX – начала XX в. М., 1984. С. 55.
- ³³ Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 92.
- ³⁴ Байбурин А.К., Г.А. Левинтон. Похороны и свадьба // Исследования в области балто-славянской духовной культуры (Погребальный обряд). М., 1990. С. 64–99.
- ³⁵ Левинтон Г.А. Мужской и женский текст в свадебном обряде (свадьба как диалог) // Этнические стереотипы мужского и женского поведения. СПб., 1991. С. 210–234.
- ³⁶ Еремина В.И. Ритуал и фольклор. Л., 1991. С. 86.
- ³⁷ Черных А.В. Поминальные обряды в народном календаре русских // Очерки русской народной культуры / Отв. ред. и сост. И.В. Власова. М., 2009. С. 487.

References

1. Bogatyrev P.G. *Narodnaya kul'tura slavyan* [The Folk culture of the Slavs]. Moscow, OGI, 2007, pp. 215–279.
2. Toporkov A.L. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [The Ethnographical Study of the Sign Means of Culture]. Leningrad, Nauka, 1989, p. 95.
3. Toporkov A.L. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [The Ethnographical Study of the Sign Means of Culture]. Leningrad, Nauka, 1989, p. 97.
4. *Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [The Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkamera)]. Available at: http://www.kunstkamera.ru/files/lib/mae_xxxvii/mae_xxxvii_16.pdf (accessed 12.10.2015).
5. Bayburin A.K. *Fol'klor i etnografiya: Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury* [Folklore and Ethnography: The Problems of Reconstruction of the Facts of Traditional Culture]. Leningrad, 1990, pp. 3–17.
6. Bayburin A.K. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [The Ethnographical Study of the Sign Means of Culture]. Leningrad, Nauka, 1989, pp. 85–86.
7. Bayburin A.K. *Fol'klor i etnografiya: Problemy rekonstruktsii faktov traditsionnoy kul'tury* [Folklore and Ethnography: The Problems of Reconstruction of the Facts of Traditional Culture]. Leningrad, 1990, pp. 8–9.
8. Fursova E.F. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii Nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii* [Proceedings of the Siberian Department of the Academy of Science of USSR. The series of History, Philology and Philosophy]. 1992, p. 49.
9. Lavrentyeva L.S. *Zhivaya starina* [The Living Antiquity]. 1996, no. 3 (11), p. 4.
10. Maslova G.S. *Narodnaya odezhdа v vostochnoslavjanskikh traditsionnykh obyčajakh i obryadakh XIX – nachala XX v.* [The Folk Clothing in Customs and Rites of the Eastern Slavs in the 19th – early 20th Century]. Moscow, Nauka, 1984, p. 41.
11. Bogatyrev P.G. *Narodnaya Kul'tura Slavyan* [The Folk Culture of the Slavs]. Moscow, OGI, 2007, p. 230.
12. Fursova E.F. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii Nauk SSSR. Seriya istorii, filologii i filosofii* [Proceedings of the Siberian Department of the Academy of Science of USSR. The series of History, Philology and Philosophy]. 1992, p. 54.
13. Bayburin A.K. *Sbornik muzeja antropologii i etnografii. Iz kul'turnogo naslediya narodov Vostochnoy Evropy* [The Collection of the Museum of Anthropology and Ethnography. From the Cultural Inheritance of Peoples of Eastern Europe]. Saint Petersburg, Nauka, 1992, p. 8.
14. Maslova G.S. *Narodnaya odezhdа v vostochnoslavjanskikh traditsionnykh obyčajakh i obryadakh XIX – nachala XX v.* [The Folk Clothing in Customs and Rites of the Eastern Slavs in the 19th – early 20th Century]. Moscow, Nauka, 1984, p. 55.
15. Nikolaeva D.A. *Religiovedenie* [Study of Religion]. 2010, no. 2, p. 6.
16. *Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [The Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkamera)]. Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrika_tor/03/03_05/978-5-02-025605-7/ (accessed 12.10.2015).
17. *Muzej antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [The Museum of Anthropology and Ethnography of Peter the Great (Kunstkamera)]. Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrika_tor/03/03_05/978-5-02-025605-7/ (accessed 12.10.2015).
18. Vasilyeva G.P. *Sredneaziatskiy etnograficheskii sbornik* [The Central Asian Ethnographical Collection]. Moscow, Nauka, 2006, vol. 5, p. 22.
19. Tokhtabaeva Sh.Zh. *Sovetskaya etnografiya* [The Soviet Ethnography]. 1991, no. 1, p. 90.
20. Karpova O.V. *Zhivaya starina* [The Living Antiquity]. 1999, no. 3, p. 14.
21. Lobacheva N.P. *Etnograficheskoe obozrenie* [The Ethnographical Observation]. 1996, no. 6, p. 89.
22. Molotova T.L. *Mariyskiy narodnyy kostyum* [The Mari Folk Costume]. Yoshkar-Ola, Mariyskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1992, p. 78.
23. Miller G.F. *Opisanie sibirskikh narodov* [The Description of Siberian Peoples]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2009, p. 131.
24. Gagen-Torn N.I. *Sovetskaya Etnografiya* [The Soviet Ethnography]. 1933, no. 5/6, p. 80.

25. *Biblioteka Gumer* [The Gumer Library]. Available at: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/zelen/1.php#g3 (accessed 12.10.2015).
26. Sternberg L.Ya. *Pervobytnaya religiya v svete etnografii* [The Primordial Religion in the Light of Ethnography]. Leningrad, Izdatel'stvo Instituta narodov Severa, 1936, p. 336.
27. Maslova G.S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychayakh i obryadakh XIX – nachala XX v.* [The Folk Clothing in Customs and Rites of the Eastern Slavs in the 19th – early 20th Century]. Moscow, Nauka, 1984, p. 79.
28. Kidieikova I.K. *Materialy shestykh Sibirskikh chteniy* [The Materials of the Sixth Siberian Readings]. Saint Petersburg, GIAE RAN, 2005, p. 257.
29. Maslova G.S. *Narodnyy ornament verkhnevolzhskikh karel* [The Folk Ornament of the Karelians of the Upper Volga]. 1951, p. 33.
30. Surkhasko Yu.Yu. *Religiozno-magicheskie elementy karel'skoy svad'by* [Religious and Magical Elements of the Karelian Wedding]. Petrozavodsk, Karel'skiy filial AN SSSR, 1976, p. 148.
31. Maslova G.S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychayakh i obryadakh XIX – nachala XX v.* [The Folk Clothing in Customs and Rites of the Eastern Slavs in the 19th – early 20th Century]. Moscow, Nauka, 1984, p. 42.
32. Toporkov A.L. *Etnograficheskoe izuchenie znakovykh sredstv kul'tury* [The Ethnographical Study of the Sign Means of Culture]. Leningrad, Nauka, 1989, p. 95.
33. Maslova G.S. *Narodnaya odezhda v vostochnoslavianskikh traditsionnykh obychayakh i obryadakh XIX – nachala XX v.* [The Folk Clothing in Customs and Rites of the Eastern Slavs in the 19th – early 20th Century]. Moscow, Nauka, 1984, p. 55.
34. Eremina V.I. *Ritual i fol'klor* [Ritual and Folklore]. Leningrad, Nauka, 1991, p. 92.
35. Bayburin A.K., Levinton G.A. *Issledovaniya v oblasti balto-slavyanskoy dukhovnoy kul'tury: (Pogrebal'nyy obryad)* [Researches in the Field of the Baltic-Slovenian Spiritual Culture]. Moscow, Nauka, 1990, pp. 64–99.
36. Levinton G.A. *Etnicheskie stereotipy muzhskogo i zhenskogo povedeniya* [Ethnic Stereotypes of Male and Female Behavior]. Saint Petersburg, Nauka, 1991, pp. 210–234.
37. Eremina V.I. *Ritual i fol'klor* [Ritual and Folklore]. Leningrad Nauka, 1991, p. 86.
38. Chernykh A.V. *Ocherki russkoy narodnoy kul'tury* [Reviews of the Russian Folk Culture]. Moscow, Nauka, 2009, p. 487.